

Годы сменяют друг друга, но цветы остаются неизменными, и редко бывает так, что из года в год рядом с тобой оказывается один и тот же человек. Лу Сяо засунул полуопущенный красный шелк в рукав, пристально посмотрел на крышу, покрытую ярко-красным цветом, и тихо произнес:

— В этом городе Чанъань я провел уже почти десять лет.

В семнадцать лет он сдал высший экзамен, и теперь, пройдя этот год, Лу Сяо исполнилось двадцать. Через три года службы в столице можно было подать прошение о переводе в другой регион, и Лу Сяо считал, что его прошение вполне могут одобрить. Он надеялся уехать подальше от суеты, и если через три месяца ситуация не улучшится, он уедет вместе с братом, а если повезет — будет действовать по обстоятельствам.

Лу Сюэхань спросил:

— Сяо, тебе нравится Чанъань?

Лу Сяо слегка удивился, разгладил брови и ответил:

— Здесь шумно, многолюдно, и я познакомился с парой друзей. Думаю, мне нравится.

Позже Лу Сюэхань как-то спросил, откуда взялись эти красные шелка и фонари. Лу Сяо с улыбкой ответил, что написал записку и попросил Нин Хуая передать ее.

Приближался Новый год, и знатные семьи были заняты своими делами. С тех пор как Лу Сяо помирился с Ци Цзяньсы, в их доме не было гостей. Однако Нин Хуай часто присылал слуг с письмами, и они переписывались через несколько улиц. Письма Нин Хуая были не так важны, как прилагаемые к ним угощения, приготовленные поварихой из дома Нин. Лу Сяо ел так много, что даже подбородок стал круглее, но не забывал в письмах упоминать:

— Три рулона красного шелка, десять фонарей.

Накануне Нового года Лу Сяо вдруг вспомнил, что Ци Цзяньсы перед уходом сказал, что скоро навестит его. С Нин Хуаем они всегда были прямолинейны, а теперь оказалось, что этот Ци Цзяньсы — мастер пустых обещаний. Лу Сяо тут же схватил лист бумаги и написал: «Этот обманщик Ци».

Исписав целый лист, он представил, как Нин Хуай откроет письмо и удивится, и невольно рассмеялся. Но потом Лу Сяо вспомнил, что это письмо могут увидеть многие в доме Нин, и, чтобы не вызывать лишних разговоров, сунул его в книгу.

Открыв окно, он увидел слугу, который часто приносил письма от Нин Хуая, и с улыбкой спросил:

— Что твой господин на этот раз прислал мне?

Мальчик смущенно протянул сверток ярко-красного цвета — вероятно, новогодние украшения и иероглифы благопожеланий, приготовленные Нин Хуаем. Лу Сяо взял сверток и сказал:

— Передай своему господину, что я поздравляю его с Новым годом и желаю ему здоровья и счастья в следующем году. Пусть навестит меня, когда будет свободное время.

Слуга запинаясь ответил:

— Господин Лу, мой господин тоже желает вам и вашему брату здоровья и счастья в Новом году. Он придет повидаться с вами после седьмого дня.

Лу Сяо взял с подноса кусочек сахара и, улыбаясь, протянул его мальчику:

— Возвращайся, вырастай в следующем году.

Собираясь закрыть окно, Лу Сяо услышал легкий стук в дверь. Лу Сюэхань ушел за покупками, и в доме никого не было, кроме него. Стучали, скорее всего, родители учеников, которых учил Лу Сюэхань, но в последние дни он уже всех видел. Лу Сяо подошел к двери, наполовину спрятав лицо в меховом воротнике, и увидел стройного юношу.

Юноша с серьезным выражением лица слегка расслабился, увидев Лу Сяо, и сказал:

— Вы господин Лу?

Лу Сяо кивнул:

— А вы кто?

— Я послан моим господином, чтобы поздравить вас с Новым годом и пожелать здоровья.

Лу Сяо заметил, что в руках юноши был дымящийся контейнер с едой. Как только он это осознал, аромат тут же ударил ему в нос. Лу Сяо оглянулся назад и понял, что юноша приехал верхом.

Серьезный, но искренний юноша протянул контейнер Лу Сяо и сказал:

— Мой господин сказал, что в последнее время был занят и не смог навестить вас. Он пришлет свои извинения и обязательно встретится с вами после Нового года.

Лу Сяо не ответил, его взгляд стал мягче, и он вздохнул:

— Передайте своему господину, что я желаю ему здоровья, и спасибо.

Юноша, несмотря на свою серьезность, был явно похож на Ци Цзяньсы. Он вскочил на коня и уехал, оставив Лу Сяо наедине с контейнером. Открыв его, Лу Сяо увидел на верхнем уровне

пирожки с таро, посыпанные орехами. Под ними лежали аккуратно уложенные пирожные с грецкими орехами и кунжутом, которые могли храниться несколько дней, чтобы Лу Сяо мог лакомиться ими в свободное время. А на самом дне лежала миска с теплыми пельменями, тонкое тесто и горячая начинка согрели его руки.

Он не знал, как далеко находился дом Ци, но, судя по всему, не близко. Тем не менее юноша приехал верхом, и еда в контейнере сохранила свой вид. Даже в зимний холод Лу Сяо почувствовал теплоту в сердце. Подняв миску, он увидел записку на дне. Развернув ее, он увидел два иероглифа в углу — «Чжи Юй».

А в центре было написано с юмором, что совершенно не соответствовало характеру Ци Цзяньсы:

— С Новым годом, угощайтесь сладким.

В звуках фейерверков прошлый год сменился новым.

Еще один год прошел, близкие рядом, друзья помнят о тебе, и появился новый друг, да еще и красавец. Даже без жалованья восьмой год в Чанъане стал для Лу Сяо самым счастливым Новым годом.

Сразу после седьмого дня Нин Хуай поспешил навестить Лу Сяо. Он был моложе, и его лицо выглядело совсем юным, словно ему было пятнадцать-шестнадцать, а не восемнадцать. Нин Хуай был одет в белый мех, подаренный императором Юньканом, его круглые щеки слегка покраснели. Вероятно, герцог Нин считал его недостаточно серьезным и накинул на него темно-синий плащ с узорами птиц. Войдя в комнату Лу Сяо, Нин Хуай тут же снял этот старомодный плащ.

Лу Сяо, держа в руках чашку чая, с улыбкой спросил, как прошли его последние дни. Нин Хуай сразу же надулся:

— Семейный ужин был ничего, но дворцовые церемонии утомили меня, и я считаю, что все эти формальности нужно отменить.

Нин Хуай, конечно, видел Се Шэньсина во дворце. Странно, что тот вел себя с ним, своим младшим братом, очень сдержанно, и почти не встречался с ним наедине, а если и встречался, то не досаждал. Нин Хуай, подумав, решил, что это неспроста, и поспешил к Лу Сяо.

— А Сяо, мы давно не виделись, и мне нужно тебя спросить, — серьезно сказал Нин Хуай, ставя чашку на стол. — Как ты умудрился сблизиться с господином Ци?

— Я думал, ты спросишь о чем-то серьезном. Разве ты не знаешь, как я познакомился с Ци? В тот день в Тереме Юэцзян он тоже провожал меня домой. Что, Сяо, ты ревнуешь?

Не стоило ему упоминать тот день, потому что Нин Хуай вспомнил, как в пьяном виде называл Ци Цзяньсы «красавицей-сестрой». Лу Сяо заметил, как лицо Нин Хуая изменилось, смесь смущения и неловкости. После неловкого молчания Нин Хуай, потирая лоб, сказал:

— Я знаю о том случае, но ты еще говоришь об этом! Я спрашиваю о делах при дворе. Вы с ним общались?

Лу Сяо удивился. Нин Хуай, избалованный бездельник, никогда не говорил с ним о делах при дворе. Он серьезно ответил:

— Конечно, нет. Ты же знаешь, что раньше наши отношения были прохладными, и только после того случая мы начали общаться. Мы встречались всего несколько раз, и говорили о пустяках.

Нин Хуай нахмурился:

— Я так и думал. Но мой двоюродный брат Се... однажды насмеялся и упомянул тебя и господина Ци.

У Лу Сяо дрогнуло веко, и он понял, в чем дело. Второй принц, вероятно, узнал о случае в Тереме Юэцзян, но не мог понять связи между ними троими, и потому насмеялся над Нин Хуаем. Лу Сяо внутренне усмехнулся: второй принц вряд ли знал, что Ци Цзяньсы спас его просто из благодарности за несколько слов утешения, а их примирение произошло именно благодаря этому.

Он кратко объяснил Нин Хуаю, чтобы тот успокоился. Но потом, вспомнив, спросил:

— Ты сказал, что мне не стоило говорить о том дне. Что ты имел в виду?

Обычно Нин Хуай думал, что Лу Сяо помнил, что произошло в карете. Но он не знал, что между полусном и пьяным забытием — огромная пропасть.

<http://bllate.org/book/15439/1369298>